
ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ (на материале пиренейского национального варианта испанского языка и американского национального варианта английского языка)

Н.С. Заворотищева

Кафедра иностранных языков
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются основные источники пополнения инвективного фонда пиренейского национального варианта испанского языка и американского национального варианта английского языка — переосмысление лексического материала литературного языка, взаимодействие с внелитературной сферой языка и иностранные заимствования.

Ключевые слова: инвективная лексика, жаргон, пейорация, эвфемия, испанский, английский языки.

Несмотря на то что состав инвективной лексики меняется редко и незначительно, источники пополнения инвективного словаря могут быть самыми различными. Инвективный фонд может обогащаться за счет переосмысления лексического материала литературного языка, за счет заимствований из внелитературной сферы языка, в первую очередь из различных жаргонов и просторечия, а также за счет иностранных заимствований.

Очевидно, что инвективное словоупотребление имеет прямое отношение к жаргону. В современной лингвистике существует достаточно большое количество трактовок термина «жаргон» и высказываются различные точки зрения на необходимость разграничения таких понятий, как «жаргон», «арго» и «сленг». В настоящей статье мы не разделяем данные понятия и, опираясь на определение «Лингвистического энциклопедического словаря», понимаем под «жаргоном» разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии, положения в обществе, интересов или возраста [4. С. 1360].

Вокабуляр инвективы и вокабуляр жаргона могут частично совпадать. Значительную часть вокабуляра как жаргона, так и инвективы составляют ругательства, некодифицированный пласт лексики. Однако функции у жаргона и инвективы различны. Если основная цель жаргона — обособление данной социальной группы от всех остальных, то функция инвективы — это оскорбление и понижение статуса адресата.

Инвективная лексика в своей основной части меняется редко, в то время как жаргон — это активно изменяющийся слой, из которого постоянно уходят и в который постоянно приходят слова и выражения. Жаргон находится в состоянии интенсивного обмена лексикой с другими лексическими пластами языка, прежде всего с просторечным и инвективным. Из жаргонов, например, были заимствованы следующие инвективные лексические единицы в пиренейском национальном варианте испанского языка и американском национальном варианте английского

языка: исп. *bergante*_{арго} — «нахал», «наглец»; *soplón, garlón*_{арго} — «стукач», «болтун», «трепач»; *chorizo*_{арго} — «мелкий вор», *hacha*_{арго} — «уличная женщина», «шлюха»; *maleta*_{спорт.} — «неумеха», «увалень», *tocado, sonado*_{спорт.} — «чокнутый», «сумасшедший»; англ. *finger, whistler*_{арго} — «стукач»; *fish*_{арго} — «новичок», «лох» (первоначально «новичок в тюрьме»), *party-rooper*_{студ.} — «зануда», гость, который первым уходит с вечеринки», *sap*_{шк} — «дурак», «болван» (изначально «зубрила»).

Следует заметить, что богатым источником заимствований, в том числе и инвективных, в американском английском является жаргон афроамериканцев. В частности, из него пришла одна из самых широко употребляемых в Америке инвектив — *motherfucker*. В русском инвективном фонде нет эквивалента этого слова. Букв.: «тот, кто вступает в половые отношения со своей собственной матерью» На наш взгляд, указанную лексическую единицу можно перевести как «ублюдок». Из жаргона афроамериканцев также были заимствованы такие инвективы, как *ofay* («белый ублюдок», презрительное обращение к белому), *ogeo* («черный пижон», презрительное обращение к чернокожему, который думает и ведет себя, как белый; букв. *ogeo* — «печенье черного цвета с белой прослойкой из крема»), *mink* («шлюха», букв. *mink* — «норка»).

Отметим, что те словарные единицы, которые начинают употребляться за пределами той или иной социальной группы (особенно это относится к группе деклассированных слоев общества), через некоторое время перестают восприниматься последними как свои и заменяются новообразованиями.

Инвективную лексику необходимо отличать от просторечной, в некоторых употреблениях делящей с ней внешнюю форму, но фактически ею не являющейся. Различие состоит в том, что просторечная лексика фактически представляет собой слой нейтральной лексики и практически не несет эмоциональной нагрузки. Это могут быть, например, такие слова, как *culo, sagar* (англ. *shit, ass (arse)*), кажущиеся вульгарными образованным людям, но употребляющиеся в качестве обычных стандартных наименований, лишенных всякой эмоциональной окраски, носителями просторечья, к которым, как правило, относятся низшие слои общества. Таким образом, в зависимости от социального статуса носителя языка одно и то же слово может быть употреблено как бытовой термин и как инвектива. При этом может происходить обмен лексикой между инвективным и просторечным пластом лексики.

Наряду с просторечной, жаргонной, маргинальной лексикой в качестве оскорблений в современном испанском и английском языках нередко употребляют и вполне литературные словарные единицы, относящиеся в основном к разговорно-бытовому стилю. В этом случае часто происходит их переосмысление или *пейорация*, под которой мы вслед за И.И. Кремих понимаем семантическую эволюцию идентифицирующего номината, в результате чего он приобретает негативный оценочный компонент, что обуславливает переход номинанта в класс предикатов, используемых в коммуникации с целью выражения пейоративной оценки [3. С. 3]. При этом звуковое оформление номинанта остается без изменения или же подвергается незначительной деформации, в то время как его се-

мантика претерпевает полное переосмысление, следствием чего является обновление его функций в языке.

И.И. Кремих выделяет следующие виды пейорации идентифицирующей лексики: 1) пейорация, основывающаяся на метафорическом переносе значения; 2) метафоро-метонимический тип пейорации, включающий персонификацию, синестезию и антономазию; 3) метонимическая пейорация; 5) пейорация на основе созвучия двух номинантов; 5) гиперо-гипонимичная пейоративная модификация семного состава номинанта [3. С. 11]. По нашим наблюдениям, все указанные способы пейорации в той или иной степени служат основой для пополнения словаря инвективной лексики в современном испанском и английском языках.

Наиболее продуктивным из них является так называемая «пейоративная метафора» (термин И.И. Кремих) или пейорация, основывающаяся на метафорическом переносе значения литературных слов.

Как отмечает И.И. Кремих, пейоративная метафора создается при помощи вторичной номинации на основе внешнего, внутреннего и функционального сходства объекта, обозначенного идентифицирующей лексемой, и объекта вторичной номинации, т.е. пейоративной оценки. Пейоративное переосмысление происходит в сигнификате слова прямой номинации. При помощи сравнения в семантической структуре одного номинанта совмещаются денотативные признаки других объектов, что приводит к качественному и количественному перерождению его семантического объема [3. С. 12]. Например, переосмысленная испанская лексическая единица *globo* (букв. «шар») употребляется по отношению к очень толстому человеку, а переосмысленное словосочетание *buzón de correos* (букв. «почтовый ящик») — по отношению к человеку с большим ртом. Приведем также примеры из английского языка: *fossil* — «старый чудака», букв. «ископаемое»; *egghead* — «умник», «яйцеголовый», *assface* — «урод», «страшилище», букв. «зад вместо лица».

Очень часто пейоративному антропоцентрическому переосмыслению подвергаются номинации растений, овощей, фруктов (исп. *piño* — «долговязый», букв. «сосна»; *melón* — «дурак», «тупица», букв. «дыня»; и англ. *cabbagehead* — «дурак», «тупица», букв. «капустная голова»; *carrot* — пренебр. «рыжеволосый», букв. «морковь»), а также номинации животных (исп. *cerdo*, *puerco*, *cochino* — «неаккуратный человек», «неряха», букв. «свинья»; *paragaño* — «человек, который много говорит не по делу», «боллобол», букв. «попугай»; и англ. *whale*, *walrus* — «толстяк», букв. «кит» и «морж» соответственно; *swine*, *pig* — «неряха», букв. «свинья»; *dirty dog* — «неряха», букв. «грязная собака»). В последнем случае речь идет об образовании зооморфизмов — одном из наиболее продуктивных источников инвективной лексики.

Опираясь на определение Т.В. Писановой, зооморфизмы мы трактуем как такую метафору, основным объектом которой является человек с некоторыми свойствами, а вспомогательный комплекс представляет собой образно-ассоциативные черты некоторого квазистереотипа [6. С. 6]. Под квазистереотипом, вслед за В.Н. Телия, мы понимаем представления, имеющие в данном языковом коллективе статус национально-культурного эталона некоторого свойства [7. С. 52]. Зооморфизмы характеризуют человека в системе межличностных отношений и,

таким образом, выражают отношение человека к объекту речи. При этом основной акцент делается на физические, психические, моральные качества человека, а также на его интеллектуальные способности.

Символика животных зависит от той роли, которую они играют в жизни человека, а также от особых, присущих им качеств и свойств. Зооморфизмы — это результат образно-метафорического переосмысления зоонимов, отраженного и существующего в коллективном языковом сознании конкретного этноса в данный период времени. Причиной их возникновения является ассоциативная связь, устанавливаемая данным языковым коллективом между представлением о животных и представлением о типах человеческих личностей и моделях поведения.

Далеко не все зооморфизмы могут служить источником пополнения инвективного словаря. Многие из них содержат в себе мелиоративную окраску и квалифицируют положительно оцениваемые качества. Однако чаще всего зооморфные наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение ценности предмета речи и обладают яркой пейоративной окраской (исп. *mosca muerta* — 1) «тихоня»; 2) «лицемер»; букв. «мертвая муха»; *zorra* — «уличная женщина», букв. «лиса»; *más feo que un oso/lobo* — «чудовище», «образина», «лохматый», «косматый», «обросший, как медведь», букв. «страшнее медведя/волка»; и англ. *chicken* — «трус», букв. «курица»; *slut* — «уличная женщина», «шлюха», букв. «сука»; *rat* — «предатель», «доносчик», букв. «крыса»). Именно такие зооморфизмы и используются в качестве инвектив.

Метафоро-метонимический способ пейорации основывается на переносе значения. Однако в одних случаях это метафорический перенос, в других — метонимия, в третьих — синекдоха. Нередко метафора и метонимия сливаются (переплетаются), когда объекты первичной и вторичной номинации обладают не только признаками сходства, но и смежности. Поэтому данные семасиологические универсалии находятся на стыке метафоры и метонимии, являясь пограничным явлением. Рассмотрим разновидности данного способа пейорации.

Сущность персонификации заключается в том, что человек приравнивается к предметам неживой природы: объекты, предметы, явления неорганического мира и абстрактные понятия наделяются признаками, качествами, чувствами, волей, желаниями и действиями живой природы, особенно — человека. Примерами могут служить исп. *leño* — «олух», «дубина», букв. «полено»; *zoquete* — «невежа», букв. «чурбан»; и англ. *rake* — «долговязый», «жердь», букв. «грабли»; *taco* — «тако», «мексикос», инвективная номинация мексиканцев (первоначально *taco* — название традиционного мексиканского блюда).

При антономазийной пейорации инвективный фонд пополняется за счет переосмысления номинации человека именем собственным или фамилией, номинации библейских, религиозных и мифологических персонажей (*Don Juan*, *Casanova* — «дамский угодник», *Judas* — «предатель», «иуда» — все три формы узальны и в испанском, и в английском языке).

Пейоративная синестезия представляет собой совмещение денотативного содержания номинаций тактильных, вкусовых, обонятельных, зрительных и акустических ощущений с интеллектуальным актом отрицательной оценки ощущаемого (исп. *asqueroso* — букв.: «грязный, чумазый, загаженный»; перен. «гадкий,

отвратительный, омерзительный, тошнотворный», *hediondo* — букв. «зловонный», «смердящий»; перен. «надоедливый», «докучливый», «невыносимый»; *mierda* — прям., перен. «дерьмо», отсюда *mierdica* — «трус»; англ. *shit*, *turd* — прям., перен. «дерьмо», *puke* — прям. «рвотная масса», перен. «мерзкий человек», «дрянь»; *fart* — букв. «пукание», перен. «мерзкий человек»).

Метонимическая пейорация основывается на реальной или предполагаемой (мыслимой) локальной, темпоральной и казуальной смежности объектов первичной и вторичной номинации. При данном способе пейорации чаще всего части тела человека или одежды переосмысливаются для пейоративной оценки всего человека, его моральных, интеллектуальных или физических качеств (исп. *rich-abrava*, *pollabrava* — «бабник», «распутник», «мужчина, проявляющий чрезмерный интерес к прекрасному полу» (*bravo* — букв. «смелый», «отважный», *richa*, *polla* — вульг. обозначение мужского полового органа); *calzonazos*, *bragazas* — «трус», «слабый, безвольный мужчина, находящийся под каблуком у своей жены» (*calzón* — букв. «пantalоны», *bragas* — букв. «трусы»); англ. *bonehead*, *butthead* — «тупица», «остолоп» (букв. «костяная голова» и «зад вместо головы» соответственно); *pantywaist* — «трус», букв. «короткие детские штанишки», *cunt*, *pussy*, *gash* — «шлюха», перенос названия женского полового органа для инвективной номинации женщины).

Малопродуктивным способом пополнения инвективного фонда испанского и английского языка является пейорация лексики на основе полного или частичного созвучия номинантов (*vizconde*, *bizcocho* — «косоглазый»; обыгрывается созвучие со словом *bizco* — «косой»; *ser campeona de natación: nada por delante y nada por detrás* — о худой женщине с маленькой грудью и узкими бедрами, букв. «чемпионка по плаванию: ничего нет ни спереди, ни сзади»). Здесь пейорация основана на омонимичности формы третьего лица единственного числа настоящего времени глагола *nadar* («плавать») и отрицательного местоимения *nada* («ничего»).

Все вышеперечисленные способы пейорации относятся к внешне мотивированной модификации семантики номинанта, т.к. они базируются на связях, существующих между членами разных лексико-семантических парадигм. В ономаσιологическом аспекте два объекта номинации сравниваются между собой или находятся в отношениях смежности; в семасиологическом — наличие общих семантических компонентов у номинантов позволяет пейоративно переосмыслить семантику одного из них путем переноса значения.

Гиперо-гипонимическая пейорация представляет собой специализацию или генерализацию семантики номинанта. Она является внутренне мотивированной и базируется на внутрипарадигматических связях одного номинанта. Семный состав номинантов модифицируется без воздействия на него семантики другого номинанта, как бы в относительной изолированности от внешней по отношению к нему номинационной системы языка. Примерами расширения семантики могут служить следующие случаи: исп. *goliardo* — «распутник» (первоначально данная инвектива употреблялась по отношению к священнику, нарушающему обет; позднее стала адресоваться любому человеку, ведущему распутный образ жизни); *sabrón* (изначальное значение «рогоносец» генерализировалось, и в со-

временном испанском языке данная формула представляет собой инвективу общего характера со значением «подонок», «сволочь», то же самое можно сказать относительно английской инвективы *bastard*, которая имела первоначальное значение «незаконнорожденный», «внебрачный ребенок»); *cáscara amarga* (*ser alguien de*) (первоначально «задира», «забияка», впоследствии фразеологизм политизировался и стал употребляться по отношению к революционно настроенным людям, «вольнодумцам»).

При расширении значения слова наименование конкретного недостатка трансформируется в обозначение абстрактного качества: напр., номинации конкретных физических отклонений человека в наименованиях черт характера (исп. *cegato* и англ. *short-sighted* — «недалновидный», букв. «близорукий»; исп. *tartamudo* и англ. *stutterer* — «косноязычный», букв. «заика»), обозначения психических болезней — в номинации глупости (исп. *cretino* и англ. *cretin*, исп. *idiota* и англ. *idiot*).

Вместо грубых, непристойных оскорблений инвектант может прибегать и к более мягким, шадящим адресата формам, т.е. к эвфемизмам.

Явление эвфемии — один из способов обогащения инвективного вокабуляра. Термином «эвфемизм» обозначается троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления [1. С. 521]. Эвфемия, таким образом, рассматривается нами как одно из проявлений категории экспрессивности, основным признаком которой, как известно, является выражение эмоционально-оценочного отношения говорящего к содержанию высказывания. В качестве основной функции всех эвфемизмов выделена функция смягчения, основу которого составляет имплицитное выражение отрицательной оценки некоторого компонента содержания высказывания.

По аналогии с жаргонами состав инвектив-эвфемизмов постоянно обновляется. Рост числа негативных ассоциаций в процессе употребления эвфемизма приводит к необходимости введения все новых эквивалентов.

Анализ языкового материала позволяет выделить фонетические, лексико-семантические и грамматические средства эвфемии. Фонетические средства включают сокращение, добавление и сокращение с добавлением (исп. *gil* вместо *gilit* («придурок»), *lesbi* вместо *lesbiana* или англ. *lesbo* вместо *lesbian* («лесбиянка»); англ. *fugly* вместо *fucking ugly* («страхолюдина»), исп. *analfabestia* вместо *analfabeto* («невежда»), *borrachuelo* вместо *borracho* («алкоголик»).

В американском английском одним из наиболее популярных методов эвфемизации грубых инвектив является аббревиация. Это, так сказать, один из способов проявления «политкорректности» в языке (M.F. — *motherfucker* («ублюдок»), S.O.B. — *son of a bitch* («сукин сын»), АК — *asskisser* («лизоблюд»).

Основными лексико-семантическими способами эвфемии являются метафора и метонимия (*cargado de espaldas* вместо *jorobado* — «горбун»; букв. «с нагруженной спиной»; *ser del sindicato del vidrio* — «очкарик»; букв. «из профсоюза стекольщиков»; англ. *hot pants*, *fancy pants* — «бабник», «развратник», инвективы, адресуемые мужчинам, проявляющим чрезмерный интерес к противоположному полу; букв. «горячие штаны» и «роскошные штаны» соответственно).

Из грамматических средств эвфемизации инвектив следует отметить эллипсис. В случаях опущения какого-либо элемента высказывания контекст, управление или артикль практически однозначно помогают адресату интерпретировать полученную информацию, однако существует возможность вариативности пропущенных элементов в пределах синонимии, например: *eres una...* (*puta, mujer de la vida, zorra* и т.п.).

Подобные конструкции с недостающим элементом не всегда употребляются из эвфемистических соображений. Иногда снятие даже наиболее табуированной части может лишь усилить шокирующее впечатление. Такова, например, испанская инвектива «*tu madre...*», которая произносится вообще без упоминания непристойного глагола, но зато называется мать и делается определенное движение головой, которое вынуждает адресата самого мысленно докончить оскорбление в свой адрес (адрес своей матери).

Отметим, однако, что, по мнению В.И. Жельвиса, аналогичные сокращения в английском языке *You mother!* или *Oh mother* (вместо *You motherfucker!*) воспринимаются мягче, чем в испанском, тем более что отсутствие падежных окончаний маскирует непристойное происхождение внешне невинных восклицаний [2. С. 87].

Говоря об инвективной лексике, следует упомянуть о том, что наряду с эвфемией имеет место явление дисфемизации, функция которой противоположна облагораживающей эвфемистической функции. Практически любое действие, любой предмет, любое качество могут быть представлены в вульгаризированном виде за счет использования вместо требуемого слова дисфемизма, сохраняющего табу-сему [2. С. 87]. Таков, например, испанский глагол *joder* и его производные (*joderla* вместо *estropear* — «портить», «упустить», *jodido* вместо *difícil, complicado* — «сложный», «муторный»), а также производные от английского глагола *fuck* (*fucking well, fun-fucking-tastic, un-fucking-believable* — «отличный»).

Заемствование инвективной лексики в целом осуществляется по тем же законам, по каким заимствуется всякая другая лексика. Однако функция заимствованных инвектив отлична от функции иноязычных элементов других лексических пластов языка. В результате торговых, научных и культурных контактов с другими народами в испанском языке появляется определенное число иностранных слов, которые служат для обозначения новых предметов, явлений и понятий, в то время как иноязычные инвективы чаще всего называют объект, уже имеющий свое наименование в языке, и новая номинация отличается от старой эмоционально-оценочным содержанием.

Одним из важнейших источников иностранных заимствований в испанском инвективном фонде является цыганский язык (*gachí* — уличная женщина; *gili, gilipollas, gilipueñas* — «глупец»). Многочисленны инвективы латинского происхождения (культизмы) (*idiota* — «идиот»; *estúpido* — «безмозглый», «болван»; *imbecile* — «дурак», «болван»; *estulto* — «дурак», «глупец»). Встречаются также заимствования из французского (*cretino* — «кретин», «идиот», *macarra* — «негодяй», «подлец»; *gigoló* — «жиголо», «молодой мужчина, находящийся на содержании у пожилой женщины»), арабского (*haragán* — «лентяй», «бездельник»; *fodolí* — «зануда», «назойливый, вмешивающийся не в свои дела»), итальянского

(malandrín — «негодяй», «плут»; canalla — «сволочь», «подлец») и английского языков (snob — «высокомерный человек, считающий себя носителем высокого интеллекта и изысканных вкусов»).

В английском языке также присутствуют вышеупомянутые заимствования латинского и французского происхождения (idiot, stupid, imbecile, cretin, gigolo). Кроме того, многочисленны заимствования из идиша (meshuga — «сумасшедший», «эксцентричный»; putz — букв. «мужской половой орган», перен. «мерзкий человек»; shmuck — «противный, мерзкий человек»). В силу своего географического положения и в связи с большим количеством иммигрантов в США из Латинской Америки американский английский активно взаимодействует с испанским языком, в частности с его мексиканским национальным вариантом. Отсюда многочисленные заимствования. Однако, как отмечают Н.Г. Московцев и С.М. Шевченко, большинство из них относится к довольно мягкому сленгу и инвективные заимствования случаются редко [5. С. 138].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1966.
- [2] Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. — М.: Научно-изд. Центр «Ладомир», 2001.
- [3] Кремих И.И. Пейоративы-переосмысления в лексике современного немецкого языка. АКД. — М., 1987.
- [4] Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990.
- [5] Московцев Н.Г., Шевченко С.М. Вашу мать, сэр! Иллюстрированный путеводитель по американскому сленгу. — СПб.: Питер, 2007.
- [6] Писанова Т.В. Семантическая структура и функционально-коммуникативные свойства зооморфизмов испанского языка. АКД. — М., 1989.
- [7] Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. — М.: Наука, 1988.

WAYS OF FORMING THE INVECTIVE LEXIS (based on the peninsular national variant of the spanish language and the american national variant of the english language)

N.S. Zavorotishcheva

Foreign Languages Department
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article analyses the main sources of enriching the invective vocabulary in the Peninsular national variant of the Spanish language and the American national variant of the English language: reevaluation of the lexical material of the literary language, interaction with the non literary sphere of the language, and foreign borrowings.

Key words: invective lexis, jargon, pejoration, euphemization, Spanish, English languages.